



Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Old Believers' Personal Names in a Foreign Language Environment

Review of the book: Ziółkowska-Mówka, M. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* [Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland]. Toruń: EIKON, 2018. 469 p.

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 1, pp. 253–261
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.015

Language of the article: Russian

Плотникова Анна Аркадьевна

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

**Антропонимы староверов в иноязычной среде
Рец. на кн.: Ziółkowska-Mówka M. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* / M. Ziółkowska-Mówka. – Toruń : EIKON, 2018. – 469 s.**

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 253–261
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.015

Язык статьи: русский



Downloaded from: <http://onomastics.ru>



named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.015
УДК 811.16'373.23 + 811.112.2'373.23 + 279.99

А. А Плотникова
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

АНТРОПОНИМЫ СТАРОВЕРОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Рец. на кн.: Ziółkowska-Mówka M. System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziółkowska-Mówka. — Toruń : EIKON, 2018. — 469 s.

В рецензии представлен обзор монографии польской исследовательницы М. Зюлковской-Мувки (*M. Ziółkowska-Mówka*) «Антропонимическая система старообрядцев, проживающих в Польше». Книга содержит пять глав, включающих очерк истории старообрядчества и его общую характеристику (глава 1), описание языковой ситуации старообрядцев, проживающих в Польше (глава 2), анализ их личных имен (глава 3), исследование старообрядческих фамилий, русских и польских (глава 4), современных неофициальных антропонимов, включая исторические и современные прозвища (глава 5). Кроме того, в книге имеются объемные приложения, содержащие список имен старообрядцев (мужские и женские имена), список «дополнительных определений», использовавшихся в XIX в., и современных фамилий, а также список современных их прозвищ. В рецензии отмечается важность собранного корпуса русских имен и фамилий в Польше, ценность подробного анализа материала с самых разных точек зрения и уровней языка (способ выбора личных имен староверов по документам и устным нарративам, фонетический и морфологический анализ имен, фамилий и прозвищ, мотивация прозвищ, связанная с разными характеристиками людей и их речи, а также с рядом иных антропонимов). Анализ староверческих имен и фамилий в синхронии и диахронии показывает как исторические, так и современные языковые процессы в социолингвистической ситуации контакта староверов с окружающей инославянской и иноконфессиональной средой. Особую ценность исследованию придает обращение автора к польским и немецким именам (которые также задействованы в номинациях староверов в самых разных аспектах), что

© Плотникова А. А., 2020

подчеркивает кроссязыковой и кросскультурный характер всего рецензируемого труда польской исследовательницы.

Ключевые слова: антропонимия, старообрядчество, русский язык, польский язык, немецкий язык, семантика, мотивация, личные имена, фамилии, прозвища.

В рецензируемой работе предлагается всесторонний анализ антропонимической системы староверов, проживающих в Польше. М. Зюлковска-Мувка прослеживает ее развитие с первой половины XIX в. по сегодняшний день. Внимание исследователя привлекают не только крестильные и официальные имена (и их производные формы), но также и фамилии, а кроме того, неофициальные антропонимы — прозвища и патронимы (или матронимы), которые находятся в списках рядом с именем, но не могут быть с уверенностью отнесены к наследственным антропонимам (их автор называет «дополнительными определениями»¹ [имени]).

В качестве источников масштабного исследования антропонимов староверов, проживающих в Польше, автор указывает как письменные, так и устные тексты. Это архивные акты гражданского статуса из Сувальского района, прусский список мазурских старообрядцев 1842 г., надписи на надгробиях из Сувальского, Августовского и Мазурского регионов, поминальная книга Сувальского прихода, поминальные записки прихожан и устные интервью со староверами Августовского и Сувальского повятов.

Работа состоит из пяти частей, в каждой из которых подробно анализируется письменный и устный материал антропонимии староверов, проживающих в Польше. Автор показывает, что исследуемые имена, фамилии и прозвища имеют черты как русской, так и польской языковых систем, что обусловлено двуязычием носителей диалекта, а на Мазурах, которые были частью Пруссии в начале XIX в., когда туда переселились староверы из Сувальского региона, — еще и троязычием. Поскольку в 1842 г. старообрядцы были обязаны представить свои фамилии прусской администрации, то, как считает исследовательница, фамилии мазурских староверов возникли именно в то время, причем староверы, которые фамилии не указали, получали их от прусского чиновника при составлении переписи. Тогда же образовались отличия фамилий мазурских староверов от фамилий сувальских и августовских прихожан.

Книгу предваряет вступление, в котором автор кратко характеризует состояние исследований на сегодняшний день (пишет об истории и культуре староверов, об изучении языка староверов, где выделяется роль таких известных ученых, как Е. Иванец, И. Грек-Пабисова, Ст. Гжибовский, М. Глушковкий; о славянской антропонимии в целом) и вводит читателя в круг используемых источников, описывая их состояние и доступность. Здесь же излагаются проблемы

¹ В польском тексте книги они именуются *określenia dodatkowe* (OD) (s. 217); в русском резюме переводятся как «дополнительные определения» с сокращением ДО (s. 458).

графической передачи антропонимов в польских и немецких источниках (например, в записях с Сувальщины на латинице один звук [d'] может передаваться тремя разными способами: как *di*, *dy*, *dzi*; в прусском списке буква *s* может означать и [s], и [z]).

Первая глава книги включает очерк истории старообрядчества и его общую характеристику, при этом подробно описывается появление и хронология пребывания староверов на польских землях. Далее, во второй главе, следует описание языковой ситуации старообрядцев, проживающих в Польше: островной характер русских говоров, их замкнутость и процессы постепенного включения инноваций, двуязычие сувальско-сейненских и августовских староверов в противовес многоязычию мазурских староверов.

В третьей главе предпринимается подробный анализ личных имен старообрядцев, проживающих в Польше. История личных христианских имен и способ их выбора последовательно раскрываются в разделах: «Старообрядческие святцы в сравнении с православными», «Дата выбора имени» (как это представлено в научной литературе в целом), «Выбор имени старообрядцев в Польше по свидетельствам информантов» (здесь приводятся устные нарративы, собранные автором), «Дата выбора имени у староверов Польши по данным письменных источников» (здесь приводятся данные из актов рождения XIX в. и эпитафий на надгробных памятниках конца XIX — XX в.), «Мотивировка выбора имени польскими старообрядцами». В последнем разделе любопытно заключение исследовательницы, считающей, что при выборе имени ребенка староверы Польши руководствовались не только датой его рождения, но и иными мотивами, возможно, его эстетическим звучанием, отдельными культами некоторых святых (s. 85). Приводятся сведения и о том, что имя, по верованиям собеседников, может влиять на судьбу человека, с чем, в частности, связано стремление избегать имен святых, умерших мученической смертью. В последние десятилетия при выборе имени ребенку большее внимание староверов, проживающих в Польше, обращено на такие факторы, как наличие польского соответствия имени, сложность / легкость при произношении имени ими самими или поляками — соседями, представителями власти, учителями, коллегами по будущей работе. Здесь же приводится и выразительное стихотворение местной староверки Зинаиды Леоновой о том, как крестили детей раньше и как забыли об этой практике сегодня (s. 87–88).

Обширный раздел в третьей главе посвящен языковым явлениям в личных именах староверов, проживающих в Польше (в частности, диалектным чертам, касающимся фонетики), контекстам употребления крестильных имен и их производных форм, функционированию имен в польском официальном употреблении (здесь рассматриваются имена, образованные при помощи транслитерации русских крестильных имен, отличающихся от польских эквивалентов; польские этимологические эквиваленты русских крестильных имен; польские имена, которые не являются этимологическими эквивалентами русских крестильных

имен; немецкие этимологические эквиваленты русских крестильных имен; имена, не имеющие соответствий в святцах). Отдельно анализируются польские производные формы в антропонимике староверов: имена, образованные путем сокращения полных основ (например, *Alek, Kuba*), и имена, образованные при помощи суффиксов (например, *Piotrek, Janek*).

Четвертая глава посвящена фамилиям староверов. При этом подробно исследуются так называемые дополнительные определения староверов XIX в. — один или два антропонима, указанные при имени. Исследовательница характеризует их и как некую переходную ступень от прозвища к наследственной фамилии. Отдельно анализируются дополнительные определения из архивных актов гражданского состояния Сувальского региона (антропонимы с разными формантами: на *-ов/-ев, -ин, -ович, -инов, -овски, -ски* и др., личные имена в качестве фамилий, апеллятивные фамилии, матронимы, андронимы) и дополнительные определения из прусского списка старообрядцев. Фамилиям польских староверов в XX в. посвящен специальный подраздел, где весь комплекс фамилий распределен по формальному словообразовательному принципу (например, фамилии с формантами *-овски, -ски, -цки* и др.), но классификация внутри параграфов осуществлена по содержательному признаку, в частности выделяются фамилии, происходящие от канонических имен, их вариантов либо производных, и фамилии, образованные от апеллятивов. Каждая из них подробно анализируется, например: «**Suszyńska** — *Сушинский, Suszyński* < рус. *сухой*, польск. *suchy*; рус. *сушить*, польск. *suszyć*» (s. 288). То же самое касается фамилий без формантов, при этом становится очевидным их происхождение из трех возможных источников: русского, польского и немецкого языков, например: «**Karotki** — *Короткий* < рус. *короткий*; **Dziczek** — *Dziczek* — польск. *dziczek* < польск. *dzik*; рус. *дичок*; **Feuersenger** — *Feuersenger* < нем. *feuer* ‘огонь’, ‘пожар’, ‘огненный’ + *senger* < *sengen* ‘жечь’, ‘обжечь, опалить’» (s. 291).

Пятая глава книги полностью посвящена современным неофициальным антропонимам старообрядцев, проживающих в Польше. Глава включает объемный подраздел «Прозвища», где мы находим анализ исторических и современных прозвищ, постоянных и случайных прозвищ, а также связи прозвища с полом и обозначением членов одной семьи, формы прозвищ с точки зрения категории частей речи (прилагательное или существительное), их лексического наполнения (польские; русские диалектные и польские диалектные; прозвища, образованные от неславянских основ, немецких или английских), и наконец — их семантики. В последнем случае специально исследуется мотивация прозвищ, обусловленная характеристикой внешних черт носителя — по цвету волос, росту, особенностям фигуры и пр. (например: *Biały / B'elny / B'alaś* — «потому что у него (у нее) светлые волосы», s. 300), внутренней характеристикой носителя, т. е. образом поведения, привычками, любимыми занятиями, кулинарными склонностями и т. п. (например: *Kadúška* — «потому что любил пить, а в кадushке было либо пиво, либо водка»),

s. 310), здесь же находим прозвища, образованные от названий профессий, рода занятий (*P'ečnik*, *Stól'ar* и т. п.), связанные с происхождением, предыдущим или нынешним местом жительства, временным пребыванием в какой-либо стране, местности (*Chaxól* — из приведенного в тексте нарратива следует, что человек ранее был униатского вероисповедания; *Zar'éčnyj* — ‘живший за рекой’ и др.), относящиеся к событиям из прошлого (например: *Bocian* / *Bačán*, ср. диал. *bac'ján* ‘аист’: «потому что у меня <...> были красные ботинки», s. 317), образованные от любимых выражений, припевок, случайных высказываний носителя (например: *Szczegól* — «Щегол — он всегда говорил: “В общем и в частности”. И так остался Щеглом», s. 319)², мотивированные именем или фамилией носителя (например, *Fáña* / *Váña* (*Ваня* < *Иоанн*) «поскольку жена не выговаривала хорошо имя *Ваня*», s. 320). В заключение подраздела приводится список прозвищ, мотивировка которых носителями не указывается, при этом выделяются наименования с «читаемой» семантикой — от аппелятивов (*Diabel*, *General*, *Kamuńist* и мн. др.). Отметим, что представленный диалектный материал пятой главы с наглядностью показывает, что двуязычие староверов в настоящее время охватывает всю антропонимическую систему, при этом сами мотивировки прозвищ даются носителями диалекта как на русском, так и на польском языках.

В книге после подробного заключения и списка литературы содержится обширное приложение, включающее список старообрядческих имен по святым (указанные в святцах имена даются с астериском) и их модификации, зафиксированные в различных источниках. Введена буквенно-цифровая классификация для польских и немецких (мазурских) генетических соответствий имен из святцев, указанных в словарях, и польских / немецких форм имен (причем для польского языка представлены как полные формы, так и их производные). Например:

Нико́ла*

a1 Никола́й (оф.)

a2 Миколай (прост.), Никула [разг.], Микула [разг.]

a3 Коля, Колька

b1 Николы, *Nikoła*, Николай, Николая, Миколай, *Nikolai*

b2 *Nikoła*, *Nikołay*, *Nikołai*, Николай, Николая, Никола, Николы, *Nikolai*, *Mikuli*,

Mikuła

b3 *Ńikóła*, *Ńikółaj*, *Mikołáj*, *Mikúła*

b4 *Kól'a*, *Kóła*, *Kól'ka*, *Kólka*

c) *Mikołaj*

² В тексте книги, к сожалению, не указывается получившаяся путем игры слов почти полная омонимия польской лексемы *szczegól* ‘деталь’ (*w szczególe* ‘в деталях, в частности’) с русским наименованием птицы *щегол*. При этом, приводя само прозвище по-русски латиницей, автор дает его с ударным [o] во втором слого, но в польской цитате это можно прочитать и с фонетическим [y]. Данный пример, в частности, наглядно показывает, как польский язык окружения староверов взаимодействует с русским и влияет на многие части их антропонимической системы.

- c1 Mikołaj
 d) Nikolaus, Claus, Klaus, Niklaus, Nickel
 d1 Klaus (s. 397).

Предваряющие ряды сочетания букв и цифр объясняются во вступлении к данному приложению: a1 — современные официальные имена; a2 — варианты официальных имен; a3 — производные формы; b) — зафиксированные имена староверов в исследованных регионах, разбитые на: b1 — использованные в источниках религиозного характера (поминальные записки и книги, эпитафии)³; b2 — фигурирующие в архивных источниках (метрики с Сувальщины, прусский список); b3 — формы, трактуемые староверами как полные, канонические (сведения из интервью); b4 — производные формы; c) — польские имена; c1 — полные формы, относящиеся к староверам; c2 — производные формы, относящиеся к староверам. И наконец, пункт (d) относится к староверам с Мазур и включает немецкие имена: d) — немецкие генетические соответствия имен из святцев по данным словарей немецкого языка; d1 — формы, относящиеся к староверам (отсутствие каких-либо пунктов при заполнении схемы означает отсутствие соответствующих форм). Разумеется, такая подборка по каждому имени из святцев представляет особую ценность для последующего изучения процессов взаимовлияния славянских и неславянских языков в сфере антропонимики (с учетом графики лексем в письменных источниках в каждом отдельном случае).

Второе и третье приложения включают список дополнительных определений XIX в. и современных имен (2) и список современных прозвищ староверов, используемых в настоящее время (3). Здесь очень уместными были бы указания на страницы книги, где подробно рассматриваются те или иные фамилии и прозвища, но, к сожалению, желательные в данном случае указатели ономастической лексики отсутствуют. Следует отметить, что предваряющий второе приложение обширный список сокращений и буквенно-цифровых символов показывает основательность авторского подхода к материалу. В этом списке антропонимов представлен следующий материал: дополнительные определения из метрических книг с Сувальщины, имена из прусского списка XIX в., современные имена из Сувальского региона, современные имена из Августовского региона, современные имена из Мазурского региона, антропонимы XIX в., найденные в метрических книгах, патронимы, выписанные из метрических книг, а также данные надгробных надписей и антропонимы из интервью.

Итоги проведенного исследования представляются серьезными и убедительными. Автор приходит к выводу, что в XIX — начале XX в. староверы употребляли русские крестильные имена во всех сферах жизни: в моленной

³ В этом пункте в скобках приводятся сокращения письменных поминальных источников, поэтому имена стоят и в именительном, и в родительном падежах — так, как указаны в поминальных книжках, записках или надгробных надписях.

и светских учреждениях, в неформальных контактах между собой и с иноверцами. Если в моленной во время поминания покойных это были канонические имена (например, *Иосиф*), то в мирских документах — их фонетические варианты и морфологические производные (*Иосип, Осип*)⁴, а в повседневном общении, как правило, — дериваты (*Ося, Оська, Осенька*). Имена староверов, родившихся в последние десятилетия, преимущественно не отличаются от имен большинства жителей Польши. При этом до сих пор при крещении старообрядцы Польши дают имя ребенку по святым, но в актах гражданского состояния записывают польские имена, представляющие собой этимологические эквиваленты русских канонических имен (например, *Jerzy — Георгий*) или совсем иные — польские популярные имена (*Adam — Виталий, Sylwia — Елена* и т. д.)⁵.

М. Зюлковска-Мувка делает важные выводы, касающиеся различий в именовании староверов в Сувальском и Августовском регионах, с одной стороны, и на Мазурах, с другой. У староверов Сувальского и Августовского повятов употребляются два имени: русское — в религиозной сфере (а его варианты — в общении с единоверцами) и полное польское имя — в государственных учреждениях, школах и подобных заведениях (а его варианты — в неформальных контактах с представителями иной веры, прежде всего с поляками). В надгробных надписях здесь указываются русские имена из святцев и их варианты, реже — польские эквиваленты. При этом в эпитафиях полностью отсутствуют имена, у которых нет эквивалентов в церковном календаре. В Мазурском регионе имена староверов выступают в трех языковых версиях, что показывает анализ антропонимов на могильных плитах. В эпитафиях преобладают русские канонические имена, записанные в латинской транслитерации, встречаются их польские и немецкие эквиваленты, а также польские и немецкие имена, не имеющие эквивалентов в святцах (например, нем. *Erich, Ginter*).

В настоящее время у староверов Сувальского и Августовского регионов выбор русского или польского имени при общении друг с другом зависит от экстралингвистических факторов: от возраста лиц, вступающих в разговор, места их общения и пр. Людей пожилого возраста обычно называют русскими именами, а представители среднего и младшего поколения называют своих ровесников чаще польскими именами. При этом в старообрядческих деревнях Габове Гронды и Бур Августовского региона, характеризующихся компактным проживанием староверов, среди представителей молодого поколения в ходу также и русские имена (которые все же чаще употребляются в семьях, где живут пожилые родственники).

⁴ Ср. аналогичную ситуацию у латгальских староверов в Латвии, описанную по материалам «Пособия к поминальной книжке» и на основе интервью со староверами в [Плотникова, 2019].

⁵ Влияние процессов глобализации в данном случае очевидно, что доказывают и исследования российских ученых Института славяноведения РАН, проведенные у староверов Польши в 2016–2017 гг. по этнолингвистическим вопросникам, в том числе о выборе имени младенца в настоящее время [см.: Узенёва, 2019].

Большинство современных фамилий староверов Августовского и Сувальского регионов образованы преимущественно от крестильных имен, их вариантов или производных форм (преимущественно при помощи форманта *-ов/-ев*). В основном они происходят от патронимов, которые, видимо, на рубеже XIX–XX вв. плавно преобразовались в фамилии при регистрации дат рождения, брака, кончины. У мазурских староверов гораздо больше фамилий, образованных от апеллятивов: чаще всего от русских существительных (например, *Golubiew* — *Голубев* < рус. *голубь*), реже — от польских (например, *Krukowsky* — *Круковски* < польск. *kruk* ‘ворон’) и немецких (например, *Grossman* — *Гроссман* < нем. *groß* ‘большой’ + *Mann* ‘мужчина, человек’). Автор предполагает, что немецкие фамилии староверы получили от прусского чиновника, составлявшего список, поскольку в середине XIX в. большинство из них не владели немецким языком (при составлении списка им помогал польский переводчик). Среди современных фамилий мазурских староверов самую большую группу составляют фамилии с формантом *-ск(и)*, меньше фамилий на *-ов/-ев*, немногочисленны фамилии с другими суффиксами.

Рецензируемая книга, написанная с привлечением лексического, семантического и морфологического материала трех языков — русского, польского и немецкого, представляет собой важное славистическое исследование, в котором всесторонне учитывается историческая и современная ситуация проживающих в Польше староверов.

Плотникова А. А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030 // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 28–40.

Узенёва Е. С. О традиционной народной культуре староверов Польши // Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья / отв. ред. А. А. Плотникова. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 278–279.

Рукопись поступила в редакцию 16.01.2020

* * *

Плотникова Анна Аркадьевна

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник отдела этнолингвистики
и фольклора
Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: annaplotn@mail.ru

Plotnikova, Anna Arkadyevna

DrHab, Principal Research Fellow
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: annaplotn@mail.ru

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

**OLD BELIEVERS' PERSONAL NAMES
IN A FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT**

Review of the book: Ziółkowska-Mówka, M. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* [Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland]. Toruń: EIKON, 2018. 469 p.

The article provides an overview of the book *Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland* by the Polish researcher M. Ziółkowska-Mówka. This 5-chapter book includes an outline of the history of the Old Believer' movement and its general features (Chapter 1), a description of the language situation of Old Believers living in Poland (Chapter 2), an analysis of their personal names (Chapter 3), a study of Old Believers' surnames, Russian and Polish (Chapter 4), present-day unofficial anthroponyms, including historical and modern nicknames (chapter 5). An extensive appendix contains a list of Old Believers' names (male and female), a list of "additional definitions" used in the 19th century, modern surnames and a list of modern nicknames. The review notes the importance of the collected corpus of Russian names and surnames in Poland and gives high account of the comprehensive analysis of the material (principles of selection of Old Believers' personal names from documents and oral narratives; phonetic and morphological analysis of names, surnames and nicknames; motivation for nicknames pointing at different characteristics of people and their speech and referring to other anthroponyms). Synchronic and diachronic analysis of Old Believers' names and surnames reveals a picture of historical and modern language processes against the sociolinguistic background of Old Believers' interaction with non-Slavic and non-Old Belief communities. Of particular value to the study is the analysis of Polish and German names (which are also involved in Old Believers' naming in various aspects), as it emphasizes the cross-linguistic and cross-cultural nature of the entire peer-reviewed work.

Key words: anthroponymy, Old Believers, Russian, Polish, German, semantics, motivation, personal names, surnames, nicknames.

Plotnikova, A. A. (2019). Zаметки о regional'noi antroponimii staroverov Latgalii [Notes on the Regional Anthroponymy of the Old Believers of Latgale]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 28–40. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030

Uzeneva, E. S. (2019). O traditsionnoi narodnoi kul'ture staroverov Pol'shi [On the Traditional Culture of the Old Believers of Poland]. In A. A. Plotnikova (Ed.), *Russkii iazyk i narodnaia traditsiia starobriadtsev zarubezh'ia* [Russian Language and Folk Tradition of Old Believers Abroad] (pp. 278–279). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.

Received on 16 January 2020